

УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-70-74

Скурко Елена Вячеславовна
Elena V. Skourko

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117997, Москва, Нахимовский проспект, 51/21)

candidate of sciences (law), senior researcher
Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (51/21 Nahimovskiy av., Moscow, Russian Federation, 117997)

E-mail: skourko@mail.ru

**Оценка рисков деформаций в государственно-правовой сфере
и общественных отношениях в связи с неуправляемым развитием
«зон знаний» на современном этапе: постановка проблемы**

**Assessment of risks of deformations in the state-legal sphere
and public relations in connection with uncontrolled development
of «knowledge zones»: statement of the contemporary issues**

Проблема рисков в праве привлекает пристальное внимание ученых-юристов. Данная работа обращена к проблеме правового регулирования в связи с управлением рисками при формировании «зон знаний» как относительно изолированных «банков данных» и/или социальных сетевых структур, в которых частично или полностью реализуется правовой принцип «свободы движения знаний», и которые в силу своей природы и иных обстоятельств в существенной части являются сегодня «неверифицируемыми» ни с точки зрения объективного содержания, ни с точки зрения действующих в них субъектов, в том числе для правовой сферы.

Работа подготовлена в рамках проекта № 18-29-15014 РФФИ «Эффективность правового регулирования процессов формирования «зоны знаний» интеграционных объединений государств (на примере сравнительно-правового исследования ЕС и ЕАЭС)»

Ключевые слова: риски в праве, управление рисками, свобода движения знаний, зона знаний, правовая политика, международное сотрудничество, международная интеграция, права человека, искусственный интеллект.

The problem of risks in law attracts attention of legal scholars. This paper addresses the problem of legal regulation in connection with risk management in terms of the formation of “knowledge zones” as relatively isolated “data banks” and/or social network structures, which operate on the legal principle of free movement of knowledge (both partially or completely implemented), and which, due to their nature and other contemporary circumstances, are significantly beyond due verification neither from the point of view of objective contents, nor from the point of view of the actors subjected to them, including the legal sphere.

The work was prepared in terms of project no. 18-29-15014 RFBR “Efficiency of legal regulation of formation of “knowledge zone” of integration associations of the States (on the example of comparative legal research of the EU and the EAEU)”.

Keywords: risks in law, risk management, free movement of knowledge, knowledge zone, legal policy, international co-operation, international integration, human rights, artificial intelligence.

Проблема рисков в праве всегда привлекала и продолжает привлекать пристальное внимание юристов, в том числе в современных условиях.

В ряду отечественных исследований последнего времени нельзя не заметить работы Ю.А. Тихомирова, который, в частности, указывает, что риск следует понимать как отражение

© Скурко Е.В., 2019

сложных процессов познания, возникающий непрерывно, причинами которого могут выступать: «а) сложность и непредсказуемость социальных систем, ошибки в расчетах, неполная информация; б) организационные — трудности определения задач и статусов субъектов права, режимов их деятельности и взаимоотношений; в) человеческий фактор — некомпетентность разработчиков и лиц, принимающих решения, противоречия интересов и т. п.; г) технико-технологические; д) природно-экологические» и др. [1, с. 11]. Соответствующим образом, риск определяется как «вероятное наступление события и совершение действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и могущих причинить ущерб регулируемой им сфере» [1, с. 11], а для правового риска, в представлении исследователя, характерна «причинная зависимость между нормативной моделью и реальностью в виде каналов прямых и обратных связей, иными словами, опасное отклонение от норм права» [1, с. 11].

В Рекомендациях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) касательно управления критическими рисками, с учетом того что, с одной стороны, граждане и предприятия рассчитывают на готовность государств к большому спектру возможных кризисных ситуаций и глобальных потрясений, их способность оперативно справляться с ними при самом их возникновении, а с другой стороны, решение проблем, вызванных критическими рисками, требует широкого партнерства с использованием знаний и различных ресурсов, и, следовательно, международное сотрудничество как таковое способствует лучшей подготовленности и предвосхищению рисков, современным государствам рекомендуется сформировать и поддерживать комплексный, в том числе с трансграничным компонентом, подход с учетом всех рисков для управления ими, который выступал бы в качестве основы для обеспечения национального устойчивого развития [2].

Понятие «критического риска» в Рекомендации ОЭСР определяется следующим образом: «угроза и опасность, которые представляют наиболее стратегически значительный риск, из-за (i) их вероятности и (ii) национальной значимости их разрушительных последствий, включая неожиданные события (например, землетрясения, промышленные аварии, террористические акты), постепенно развивающиеся события (например, эпидемии), и стабильные риски (в первую очередь, связанные с незаконной торговлей или организованной преступностью)» [2].

Ю.А. Тихомиров, рассматривая риск в фокусе правового регулирования, отмечает, что «право как универсальный публичный механизм регулирования не может не реагировать на такое явление, как риск. Используются разные правовые средства признания его опасности и вредных последствий, установления субъектов, призванных предотвращать риски, процедуры выявления, предупреждения и устранения рисков, использования компенсаторных средств. По сути дела, все отрасли права «реагируют» на риски как «теневой спутник» права в разных сферах, причем надо видеть и взаимосвязи рисков в разных отраслях права, их своеобразные «перемещения» [1, с. 13]. Так, например, особенную группу рисков исследователь закономерно связывает с расширением сфер международного сотрудничества и углублением интеграционных процессов, и именно в той части, что в связи с соответствующими процессами должны предъявляться все более высокие требования к международным обязательствам государств: «Основные документы международного права, в частности, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, Соглашение о зоне свободной торговли в СНГ, проект Договора о Евразийском экономическом союзе, регулируют порядок рассмотрения разногласий и споров в ходе подготовки, подписания и выполнения международных договоров и соглашений. В этом отражается процесс нарастающего взаимодействия национального и международного права. И все же беспокоят многочисленные случаи нарушения международных обязательств» [1, с. 17] и т. п.

В целом следует согласиться с общей оценкой Ю.А. Тихомирова, когда он подчеркивает: «Правовое регулирование призвано стабилизировать общество. В реальной жизни, однако, возникает немало явлений, влияющих на стратегии и программы, на реальный ход развития экономики и социальной сферы. Их надо предвидеть, анализировать и учитывать. Это — выявившиеся или очевидные угрозы, устойчивость и государственных институтов, и экономических устоев общества, это — опасности, которые могут привести к кризисам и ущербу. Это — риски как вероятное неправомерное отклонение от намеченной правовой модели (концепции) и действующих законов» [3, с. 10].

В последние годы стремительно укрепляется тенденция развития широкого взаимодействия государств, организаций и граждан в сферах научно-технического сотрудничества, сотрудничества в сфере образования и культуры, в том чис-

ле трансграничного характера, в особенности в связи с развитием и массовым использованием современных информационно-коммуникационных средств, включая Интернет. Обозначенные процессы не могут не быть связанными с появлением новых, отражающих их особенности рисков, а также, следовательно, с необходимостью их правовой оценки в том числе.

Так, с определенной долей условности можно говорить о том, что в настоящее время спонтанно формируются множественные «зоны знаний» (будь то в формах «банков данных», либо формах социальных сетевых структур, либо в их комбинации) относительно замкнутых, и поэтому в существенной части «неверифицируемых» ни с точки зрения объективного содержания, ни с точки зрения действующих в них субъектов. Не будет большим преувеличением утверждать, что подобного рода (дальнейшее) неуправляемое развитие разнообразных «зон знаний», в том числе трансграничного характера, может повлечь риски деформаций на различных уровнях в общественных отношениях в целом, в том числе на уровнях государственно-правовой сферы как таковой.

К их числу можно отнести:

— риски для национальной безопасности в связи с неограниченной «свободой движения знаний»;

— коммерческие и предпринимательские риски в «зонах знаний», в том числе в связи с недобросовестной конкуренцией, в особых формах порождаемой вследствие реализации принципа «свободного движения знаний», и цифровизацией экономики;

— риски фальсификаций и злоупотреблений правом в сфере «зон знаний» и в связи с реализацией принципа «свободы движения знаний», а также ряд других.

Указанные и иные риски в связи с процессами спонтанного развития «зон знаний» разных уровней и форм могут быть существенно снижены в условиях формирования соответствующей государственной политики, в том числе правовой политики, а также в рамках систем интеграционных объединений государств, активно развивающихся на современном этапе.

С другой стороны, управление формированием и функционированием «зон знаний» как внутри отдельных государств, так и в рамках межгосударственных интеграционных объединений несет самобытные риски, а именно:

— риски для национальной безопасности в связи с юридическими ограничениями формирования и развития «зон знаний» в отдельных

государствах и/или в интеграционных объединениях государств;

— особые коммерческие и предпринимательские риски в «зонах знаний», формирующихся и функционирующих под управлением отдельных государств либо в форматах межгосударственных интеграционных объединений;

— особые риски фальсификаций и злоупотреблений правом в сфере управляемых государством «зон знаний» и/или в интеграционных объединениях государств;

— риски рассогласования массива законодательства государства (в иерархическом, отраслевом и федеративном, международно-правовом аспектах), в особенности вследствие отсутствия либо нецелесообразного применения цифровых технологий, в том числе в правовом мониторинге при формировании «зон знаний», управляемых государством и/или в интеграционных объединениях с его участием;

— риски дефектов структур «зон знаний» в моделях и в практике их реализации в рамках отдельного государства и/или интеграционных объединений государств для национальных правовых систем и социо-нормативного регулирования в целом, развития гражданского общества, охраны прав человека и др.

Здесь целесообразно вернуться к комплексу рекомендаций ОЭСР в части управления рисками и его правовому инструментарию [4], применение которых к обозначенному кругу проблем и обстоятельств будет, с нашей точки зрения, означать следующее:

1) требуется разработать национальную стратегию по управлению рисками в связи с формированием и функционированием «зон знаний» (либо включить соответствующие разделы как особенную часть в действующие стратегии национального развития), в которой будут определены соответствующие цели и задачи управления рисками, а также выделены необходимые для достижения установленных целей и решения соответствующих задач ресурсы;

2) требуется определить и назначить ответственные государственные органы и должностных лиц (на национальном и/или межгосударственном уровнях) для обеспечения реализации политики по управлению рисками, а также особенности межведомственного подхода и/или платформы взаимодействия уполномоченных органов и лиц в части оперативного и стратегического реагирования в решении задач управления рисками в связи с формированием и функционированием «зон знаний» (на национальном и/или межгосударственном уровнях);

3) обеспечить систему координации государственных органов и заинтересованных частных (физических и юридических лиц) в процессах формирования правовой политики управления рисками (на национальном и/или межгосударственном уровнях взаимодействия), а также распределения функций в решении оперативных и стратегических задач управления рисками при формировании и функционировании «зон знаний» (как внутри отдельного государства, так и с учетом трансграничного компонента);

4) оформить распределение ответственности в рамках государственно-частного партнерства при формировании и функционировании «зон знаний» (на национальном и/или межгосударственном уровнях), начиная с определения общих интересов и общих целей в государственном и частном секторах хозяйства при управлении рисками в связи с «зонами знаний», а также пределов использования ресурсов частного сектора в управлении соответствующими рисками.

Кроме того, особенностью современного этапа общественного развития, который накладывает отпечаток на становление правовых форм управления рисками в связи с формированием и функционированием «зон знаний» как на уровне отдельного государства, так и в рамках межгосударственных интеграционных объединений, на международно-правовом уровне является проблематика охраны прав человека — с одной стороны, а также особенности технологического развития, то есть современных технологий вообще,— с другой стороны.

Действительно, комплекс вопросов, возникающих в связи с гарантиями (охраны) прав человека в рамках и форматах функционирования «зон знаний»,— как формирующихся спонтанно, так и создаваемых целенаправленно, в том числе с участием государства,— демонстрирует ставшую уже «традиционной» внутреннюю противоречивость в массиве охраняемых прав и свобод человека сегодня, а также целую группу рисков, требующих особого управления в связи с государственными гарантиями в поле действия «зон знаний». Так, свободное функционирование «зон знаний», реализация принципа свободного движения знаний в правовых системах современности подразумевает особые риски для прав и свобод человека и гражданина, как то: распространение информации, могущей причинить моральный вред, в особенности несовершеннолетним; физически свободное обращение информации, в отношении которой действуют законодательно уста-

новленные ограничения публично-правового и частноправового характера, и целый ряд других. С другой стороны, верным будет и указание на то, что лица, прямо или косвенно администрирующие спонтанные или целенаправленно создаваемые «зоны знаний», сегодня обладают практически неограниченными возможностями воздействия на лиц, осуществляющих поиск той или иной информации в соответствующих «зонах знаний», что в особенности актуализируется, если речь идет о привлечении в рамках так называемых «зон знаний» разного рода и характера современных цифровых технологий, информационно-коммуникационных систем, в том числе Интернета, а кроме того, в связи с использованием наработок, которые в перспективе, как принято сегодня все более широко утверждать, составят основы систем и технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Остановимся несколько подробнее на обозначенном аспекте проблематики. Исследователи констатируют, что внедрение технологий так называемого «искусственного интеллекта» в реальном секторе экономики и хозяйства сегодня становится все более массовым и практически неизбежным, даже безальтернативным, в перспективе [5, с. 79]. Собственно искусственный интеллект раскрывается, как правило, через некое представление о полностью или частично автономном аппаратно-программном комплексе, способном к «самообучению» и применяющемся в системах принятия решений разного уровня и характера. Ученые-юристы справедливо обращают внимание, кроме того, на современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта [6]. С другой стороны, уже сегодня справедливо поднимается вопрос о том, что развитие систем и технологий искусственного интеллекта требует соответствующей реакции со стороны уголовно-правовой доктрины, последующего развития уголовного законодательства [7] и т. д.

С точки зрения проблематики функционирования «зон знаний» разного рода в «цифровом» поле (при этом вне зависимости от того, формируются ли такие системы спонтанно или целенаправленно, кто является «материальным» лицом — администратором той или иной системы и т. п.) самого пристального внимания требуют, в нашем представлении, анализ и разработка подходов к управлению рисками в связи с тем, что системы и технологии искусственного интеллекта уже сегодня способны не просто анализировать предпочтения пользователей и предлагать «свои» соответствующие реко-

мендации, в том числе с различной степенью «активности», вплоть до «агрессивности», но и вносить коррективы в данные в плане процесса «самообучения», являющегося сущностным признаком систем, относимых к технологиям искусственного интеллекта, результатом чего, однако, могут стать необратимые изменения в «эталонных» данных в том числе, «оригиналах» информации, обращающейся в соответствующих «зонах знаний», и т. п.

Так, актуальная проблема самого ближайшего будущего — разработка не только и не столько технических, сколько юридических средств и подходов, способных противостоять обозначенной группе рисков в связи с ростом «зон знаний» в современном мире, их роли и значения в общественных отношениях.

Примечания

1. Тихомиров Ю.А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 9—19.
2. Recommendation of the Council on the Governance of Critical Risks C/MIN(2014)8/FINAL. URL: [https://one.oecd.org/document/C/MIN\(2014\)8/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/C/MIN(2014)8/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 19.08.2019).
3. Тихомиров Ю.А. Риск в фокусе правового регулирования // Право и современные государства. 2017. № 6. С. 9—23.
4. OECD Legal Instruments OECD/LEGAL/0405. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0405> (дата обращения: 19.08.2019).
5. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79—102.

6. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 197—206.

7. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 173—178.

References

1. Tikhomirov Yu.A. Risk in law: nature and causes. *Law and modern states*, 2016, no. 6, pp. 9—19. (In Russ.)
2. Recommendation of the Council on the Governance of Critical Risks C/MIN(2014)8/FINAL. URL: [https://one.oecd.org/document/C/MIN\(2014\)8/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/C/MIN(2014)8/FINAL/en/pdf) (accessed 19.08.2019).
3. Tikhomirov Yu.A. Risk in the focus of legal regulation // *Law and modern states*. 2017. No. 6. P. 9—23. (In Russ.)
4. OECD Legal Instruments OECD/LEGAL/0405. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0405> (accessed 19.08.2019).
5. Laptev V.A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 2, no. 79—102. (In Russ.)
6. Shestak V.A., Volevodz A.G. Modern needs of the legal support of artificial intelligence: a view from Russia. *All-Russian Criminological Journal*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 197—206. (In Russ.)
7. Kibalnik A.G., Volosyuk P.V. Artificial intelligence: questions of criminal law doctrine awaiting answers. *Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (44), pp. 173—178. (In Russ.)